

Мария Хамзина
Седьмая чаша

И вылил ангел в воду чашу свою, и стала кровь

Мария Хамзина

**Седьмая чаша. И вылил ангел
в воду чашу свою, и стала кровь**

«Издательские решения»

Хамзина М. Р.

Седьмая чаша. И вылил ангел в воду чашу свою, и стала кровь /
М. Р. Хамзина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503097-9

Стихи о жизни, любви и смерти поэта Марии Хамзиной, 2013—2019 годы.
Часть из них стала песнями, часть еще этого ждет. Рисунок обложки —
Надежда Зуенко. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503097-9

© Хамзина М. Р.
© Издательские решения

Содержание

2013 год	6
Д.Л.	6
2014 год	7
В.Г.	9
2015 год	10
Д.Л.	10
Д.Л.	11
Д.Л.	12
Д.Л.	13
2016 год	14
2017 год	15
О.П.	16
2018 год	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Седьмая чаша
И вылил ангел в воду
чашу свою, и стала кровь**

Мария Равильевна Хамзина

© Мария Равильевна Хамзина, 2019

ISBN 978-5-0050-3097-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2013 год

Д.Л.

Время не ранит, но раны лечит,
Время добрее, чем мы считаем.
Жизнь равнодушием искалечив,
Прошлое муторно нас листает.
Книжные дети, дурное семя,
Что под обложкой? Вина и горечь.
«Ну, ничего, – говорит нам время.
Из корешка прорастают корни
Смутной надежды, надежды дикой,
Темной, как небо холодным летом,
Терпкой, как мята и земляника...»
Сколько страниц до конца сюжета?
Буквы, как рыбы, во тьме кромешной,
Плавают молча, одна, вторая...
...Что нам осталось? Страница «нежность»
Грубо надорванная по краю.

2014 год

Саломея

Все прекрасно, милый, я не спорю.
В угол сяду, пряди теребя...
Разве это горе? Нет, не горе.
Я ведь приготовила тебя.

Сердце, спи. Забейся под матрасы.
Карта бита, сыграна, отбой.
Вкусно, милый? Сердце – это мясо.
Ешь, оно отравлено тобой.

Нож и вилка – крестиком, а нолик
Нам на сдачу. Выжившим – на чай.
Эй, гарсон! Свечу на крайний столик!
Пусть на нервы капает свеча.

Скрипка ноет, тянется, хохочет,
Ноты, как фантазии, мертвы.
Знает Бог – раз женщина не хочет,
Значит, все сбывается, увы.

Как тебя я раньше целовала!
Было – вечность, выжило – вчера.
Ты сорвал седьмое покрывало.
Да, пора. Мне кажется, пора.

Ну, простимся. Знают богомолы —
Кровь – вода. Сочтемся как-нибудь.
Нет, постой! Последний женский голод —
Положи мне голову на грудь.

Каин

Я – Каин.
Хлеба мои – ржавые, мертвые остья.
Я – камень.
Я мертвая, грязная, серая осень.
Века мне
Дробят позвоночник, как вилы – солому.
А память
Гноясь, вытекает по свежим изломам.
Я выжат.
Но ненависть все еще в горле клубится.
Ведь выжжен
На каждом, кто дышит, значок кровопийцы.

Все – звери.
Лишь я этот титул веками таскаю.
Но верю
Что знает Господь, кто единственный Каин.
Однажды
Мы встретимся, Бог. Утираясь от пыли.
Ты скажешь:
«Прости меня, сын». Я убью тебя.
Или...

В.Г.

Я ласкаю пальцами книжные переплеты,
У меня цейтнот, аллергия на апельсины,
Два дурных кота, тридцать три блокнота,
Ты мне пишешь: «Слушай, полно работы,
Я бы рад заехать к тебе, красивая,
Но устал, my love, до восьмого пота».
Поняла. Спасибо.

Надеваю черное кружево, губы крашу
в темно-красный, делаю сэлфи в ванной.
Мой рассудок ясен, глаза туманны,
Перспективы, в целом, необратимы.
Имидж – между шлюхой и побратимом,
Ты мне пишешь: «Слушай, не до интима».
Да, ОК. Не страшно.

А потом я злюсь, и в пике срываюсь,
Не звоню три месяца, аж воротит.
Хочешь – и ебись на своей работе,
Хоть на крышке гроба, хоть в подворотне...
Мне плевать, но главное – чтоб не в душу.
Ты мне пишешь: «Я тут подумал, слушай,
Что давно не видел... Ты как, не против?»
Я немедленно раздеваюсь.

Приезжаешь, весь такой в стильном твиде.
Пьем ламбруско, быстро, давно не чокаясь,
И зачем – программа обычно четкая,
Синяки потом на плечах – отчетливо
Проступают, это не страсть, а видимость.
Уезжая, ты говоришь – увидимся.
А любовь – при чем тут...

Закрываю двери, несу молока коту,
На себя не глядя, тоником – красоту
Без особой дрожи с себя смываю.
Через месяц где-нибудь позвонит,
Снова скажет – слушай, ну извини,
Я приеду в пятницу, вот те крест.»
Захожу вконтакт, там кладбище – Эверест,
Сотни тел, борющихся за мечту...
Выбираю позу и застываю.

2015 год

Д.Л.

Нас делает жизнь слишком гордыми, слишком гладкими. Дела – хорошо, потому что такой обычай. Я крашу глаза, навожу на себя загадку. Я женщина, дааа. И мне нравится быть добычей! Мне нравится чувствовать легкую дрожь в коленях, закусывать губы, в попытке смирить дыханье. И демонстрировать мягкость кошачьей лени, запах усилив мускусом и духами. Чувствовать кожей – хищник идет по следу, вот он, все ближе, к нежной ложбинке горла... Я проиграю – это моя победа. Ты подойдешь – я вскину глаза покорно.

В ритме едином натянутся струны жил,

Это не я – стихиям мой страх неведом.

Это земля выгибается и дрожит

Смятая вмиг огненной силой неба.

Женская магия – лишь зеркала и дым, ласка, кокетство и белые волны меха... Чтобы ты лучше видел мои следы, я рассыпаю искры ночного смеха.

Д.Л.

Февраль. Эпоха одиночества. С небес спустились холода.
Мне даже памяти не хочется, ни расставанья, ни следа...
Стоят стволы обледенелые, подняв до звезд воротники.
И время, медленное, белое, стекает солью на виски.
Что делать душам неприкаянным? Душить надежду на тепло.
Вина со льдом. И глухо, каменно звучат в проулках тени слов —
«Мы беспощадные», «мы гордые», «нам слишком пасмурно вдвоем».
Любовь скитается по городу, но ей никто не подает.
Кто нам к огню дорогу выстелит? Дрожит надежда – сквозняки...
В моей вине – ни грамма истины и сорок градусов тоски.
И слово – было. Было сказано. Но я представить не могу
Как странно мы с тобою связаны – лишь цепью следа на снегу.

Д.Л.

Время расставит нас на свои места.
Сестрам – по серьгам, безвременным – по могиле.
Только на самом деле все остаются там,
Там, в тишине.
Где их недолюбили.

***

Каменей, терпи, застывай столбом,
Упирайся в стену горячим лбом.
Пересчитывай мертвые кирпичи.
Но молчи.
Просыпайся крошевом ледяным,
Просыпайся, спишь все равно не с ним.
Просыпайся. Бог стережет в ночи
Но молчит.
Разломись, как праздничный каравай,
Всем, кто хочет, милости раздавай,
Потому что милостыня горчит.
Научись
Доверять надежды пустому дню.
Семена – земле, а слова – огню,
А когда последнее догорит —
Говори.

Д.Л.

Да, извини, я сегодня сижу без света. Кончился как-то разом, и все, гуд бай. Бог позволил – мы встречаемся этим летом. Хочешь застать меня – в августе приезжай. Ладно, мы оба в будущее не верим. Как утверждают – творческий взгляд на мир. Все отнимает поиск зеленой двери, смысла, абсента, безумия и займы. Свет не включают. Это конец, пожалуй. Грустная сказка, затянутая петля...

Ты не узнаешь, как я к тебе бежала.

Как я просила, господи, унижалась,

Как я... Прости. Я все-таки не сдержалась. Трудно держаться в границах небытия. Ты принимай меня – только не слишком часто, капель по восемь, вечером, натошак. И навести меня. Двадцать седьмой участок, за поворотом... Впрочем, не навещай.

2016 год

Птицы, летящие надо мной, птицы, летящие в мир иной,
Время пронесится стороной.
Осень встает стеной.
Гаснет в ладони кленовый лист – ветру и пламени помолись,
Может, не умер еще огонь.
Но не разжечь другой.
Ты остываешь, идешь на дно, это в награду тебе дано.
Осень коснулась губами век —
Птицы упали в снег.
Перья увядшие проросли к небу, все черные от земли,
Ветер, рыдая, летит во мглу,
К умершему крылу.
Дождь, переполненный немотой, молча коснется пера водой,
И проступившая синева
Станет на миг жива.

***

Подступает холод и по спине чей-то гаденький бьёт смешок.
Боже, дай лишь поверить мне, что все кончится хорошо.
Что ушедшие в ночь не горят в аду, не рассыпались в мерзлоте.
Мы ведь бьемся рыбами в пустоте, потому что видим черту.
Ладно, пусть костер, путь трещит гнилье, запекается на костях,
Пусть там будет «каждый возьмет свое», наказание – это пустяк,
Непрозрачна черная гладь воды и за ней не видно не зги.
Только камень, брошенный с высоты, на воде рисует круги.
Тот, кто верит, может быть, видит дно, огоньки, дрожащие там...
Дай им света, Боже, когда темно, дай им света, Боже, не нам,
Дай им права, Господи, не гореть, подставляя копченый бок,
Дай им греть нас, Господи, отогреть тех, чей сон на Земле глубок!
Смерть стоит, не двигаясь, за окном, и она глупа и грязна.
Не суди нас, Господи, нам темно!
А в ответ
Лишь
Мертвая
Тишина.

2017 год

Самайн

Словно старик, он волочит крыла. Там, где пройдет – вдруг оживает мгла.
Тени бредут строем из темноты. Хрипло орут спятившие коты.
Только одна ночь у него на то
Чтобы поесть. Справиться с пустотой.
Ищет живых. Ищет среди огней. Нюхает ветер, слушает стук камней.
Ищет следы, забытые на земле. С каждой секундой все голодней и злей.
Сыплет минуты в черный холодный рот.
Давится с хрипом, харкает, но жует.
Полночь колотит прошлое, как горшки, липкой кутьей кормит его с руки,
Этого мало. Кровью жива душа. Ищет поживу. И замедляет шаг,
Там, где свеча теплится на окне.
Он, обжигаясь, тянет ладони к ней...
Свет не сочится сквозь костяную длань. Свечи погасли? Значит, пришел Самайн.
Значит пора на выход, тому, кто стар. Кто заблудился. Выгорел и устал.
И не помогут маски ни одному.
Чует он голод, слабость, вину и тьму.
Полночь Самайна – время для мертвецов. Только безгрешным можно открыть лицо.
Все остальные пусть разожгут костры. Чтобы согреться – хватит одной искры.
Голод Самайна властвует над людьми.
«Страха и крови...»
Слышал? Иди, корми!

О.П.

Проходит все, сестренка. Приложи
К пустой душе вискарь и подорожник...
Нам, к сожаленью, максимум положен —
Мужчин, вины, истерики и лжи.

А если голос мелко дребезжит —
Молчи себе, таинственно и нежно.
Когда душа прощается с надеждой.
В сухой сосуд загадочность бежит.

Мы женщины и все предрешено.
Чтоб выиграть, нам надо лечь на спину.
И это, без сомнения, причина,
Куриль захлеб в открытое окно.

Кружится снег – станцуем при свечах.
Дрожит, замерзнув, в пальцах сигарета.
Проходит все, сестренка. Даже это.
Но не сейчас, пожалуй, не сейчас.

***

Женщина, у которой одни долги, кошки и книги.
Та, у которой не с той ноги даже вериги.
Женщина, изучившая назубок вышедших в люди,
Та, у которой есть только Бог. (тоже не любит).
Та, у которой ирония-пустоцвет, крепче гранита.
Томно плывущая в мареве сигарет, как Афродита.
Женщина, вечно живущая поперек. Даже в постели.
Та, у которой есть только Бог. (в винном отделе)
Женщина, тихо стоящая на краю. Сердце в ладонях.
Слышишь, как я о тебе пою? Мячик не тонет.
Светом, пролившимся с высоты, падает глас:
«Да это Бог, у которого только ты. Не убивай нас».

2018 год

Март, проснувшись, дрожит крылом, умывается талым снегом.
И зелёным блестит стекло под морщинистым птичьим веком.
Он на ветку взлетит, звеня, покачается для разбега,
И в молочную пенку дня вдруг добавит дождя и снега.

По колено в живой воде, будут липы стоять и клены,
Каждый ствол догола раздет, но у сердца – уже зеленый,
Ветки тонкие заломив, к небу рвутся кусты сирени,
Распустившись, сидят на них воробьи, подогнув колени.

В этот птичий тревожный хор март вплетает свои свирели,
Вот – ручьи расчертили двор мокрой кистью по акварели,
Вот – собака бежит, ее догоняет старушка в шубе,
Солнца яркое острие серый лед на пластины рубит,

Снег арбузно еще хрустит, и от свежести сердце ломит,
Я сжимаю его в горсти: «Март, он все еще посторонний,
Март, пожалуйста, дай мне сил, человека в ночи кромешной,
В одиночку невыносим твой холодный глоток надежды!»

Март щебечет, махнув крылом, и с души облетают тени.
И стою я. И мне светло. Разгорается день весенний.
«Все растущее – будет жить, слышишь – травы под снегом дышат?
Тише, девочка, не дрожи.» Поднимаю глаза. Я слышу.

***

Я просила Тебя о чуде. В окна бился февральский ветер,
Коэн тихо мурлыкал блюзы, кот тянулся под одеялом.
Было тихо, тепло и больно, где —то в ребрах, под левой грудью.
Говорил Ты: «Болят? Живая!» Но мне этого было мало.

Я просила Тебя о чуде. Как смотрел на меня однажды,
Тот, с мальчишеской длинной челкой, я немела и замирала.
Лепестки опали с яблонь, мы вином утоляли жажду,
Говорил Ты: «Люби и смейся!». Но мне этого было мало.

Я просила Тебя о чуде. Стало чудо вином и хлебом,
Стало Словом, и Слово было, и в груди моей оживало,
Рассыпало по миру искры, и сливались любовь и небо,
Говорил Ты: «Твори для мира!». Но мне этого было мало.

Я прошу Тебя – дай мне чуда! Дай мне жизни, любви и Слова,
Ты забрал их, меня послушав, крепко запер ворота Сада.
Я осталась одна в пустыне. Дай мне чуда, Всевышний, снова!
Только небо молчит и смотрит. Но пока не отводит взгляда.

***

Все они были меня моложе, все они жадно меня хотели.
Пальцы и губы ожогом ныли, кожи соленой едва касаясь...
Я их учила любви и боли, пить без закуски, курить в постели,
Стали они мастерами в этом... Но уходить научились сами.

Все они были меня моложе. Крепче, упрямей, гораздо злее,
Сколько? Они протекли, как реки, в памяти строчками записались.
Я отдала им слова и тени, все, что отпущены, не жалея.
Взяли, сказали: «Спасибо, детка». Но предавать научились сами.

Все они были меня моложе, все они были. Прости, Создатель.
Все они стали вином и хлебом, звонкими птичьими голосами,
Первой надеждой, девятым небом, пеплом, рассыпанным на кровати,
Мертвым молчанием после боя. Но убивать научились сами.

Все они были меня... И бились волнами плоти в мои колени,
Все они... Лица уже не помню, только уроки – тот предал, этот
Стал на мгновение лучше прочих, не различая любви и лени.
Я научилась прощать и верить. Пить в одиночестве. Ждать рассвета.

Все они были меня моложе. Может быть, хватит уроков, Боже?
Дай мне глоток не вина – покоя. Чья голова под моей рукою
Снова склонится, все ниже, ниже... ну, подойди же ко мне поближе.
Нежности дай мне. Уйдем из круга. Будем учиться любить друг друга.

***

Если мысль о ком-то ставится на поток,
Значит, глупое сердце вновь пропускает ток.
На печать уходит список былых утрат...
Человек человеку – горечь и Герострат.
Человек человеку – полночь и пулемет,
Если пуля – дура, выживший – идиот,
Человек к человеку в мутной бредет тоске,
И под током щелкает жилочка на виске.
Человек человеку – мрак, тишина и боль.
А четвертый гвоздь вбивается за любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.